

"ПРИНЦ И НИЩИЙ" ЗА ШКОЛЬНОЙ ПАРТОЙ, ИЛИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ ВЛИЯЕТ НА НАШИХ ДЕТЕЙ

"Я хочу, чтоб мой не хуже других был!" — запальчиво говорит уже не очень молодая мама, выбирающая в модном бутике галстук для сына-выпускника. Стоимость галстука кажется невыносимой папе, который готов на эти деньги частично отремонтировать старенькие "Жигули", но он, бледнея, отсчитывает купюры, соглашаясь с мнением супруги. "Быть хуже других"... Папа испытывает это ощущение, когда застывает в пробке и оказывается рядом с шикарным "мерсом". Осознание своей материальной несостоятельности унижительно. Это во времена драматурга Островского считалось, что "бедность не порок". На дворе совсем иная эпоха. Но каким бы идеальным мы ни представляли прошлое или будущее, объективно приходится признать, что в любом обществе есть, были и будут богатые и бедные. Взрослый сформировавшийся человек воспринимает эту аксиому философски. А как к проблеме социального неравенства относятся дети? Ведь школа никогда не существовала в отрыве от мира взрослых и всегда являлась слепком с их жизни. Социальное расслоение в учебном детском учреждении — одна из острейших проблем современной системы воспитания.

Стоит заметить, что в прежние эпохи решение этой проблемы было сколь простым, столь и поверхностным. Гимназия, лицей, реальное училище всячески старались это противоречие между богатыми и бедными сгладить, скрыть. В дореволюционной России такой подход согласовывался с требованиями православной морали. В советской школе, как и во всей советской стране, на словах все были равны. Удерживать же это равенство приходилось draconianскими мерами, однако нарушать его особенно никому и не хотелось. Состоятельные родители не выпячивали свой достаток, тогда все стремились "быть как все". В нашем смутном веке жизнь кардинально изменилась. Нынче часто именно ребенок превращается в предмет демонстрации успешности родителей. Царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...

Расслоение по социальному признаку особенно заметно в массовой школе. В наше далекое время ручка за 35 копеек и коричневая, а чуть позже синяя форма внешне делали одинаковыми всех. Теперь форма вновь стала возвращаться в некоторые школы, но часть родителей легко закупает сразу два комплекта, часть — с трудом наскребает деньги на один, а кто-то вообще отказывается от покупки. Кстати сказать, устав любой школы оставляет это право за родителями.

В коридоре школы, в которой общая форма не введена, вы почувствуете себя как на рынке. Размер заработка родителей выражен конкретно в обуви и одежде их чад. Здесь будет все: от вполне еще приличных (на взгляд мамы-санитарки) обносок от старшего брата до почти коллекционных моделей известных европейских фирм. У девочек знаком материальной устойчивости их родителей будут к тому же украшения из драгоценных металлов, стрижки, косметика. У мальчиков — джинсы различных фирм, зажигалки, сигареты. И для всех, конечно же, — марки мобильных телефонов или их отсутствие. Справедливости ради скажем, что часто лишние средства родителей уведут ребенка из круга общих интересов одноклассников. Иногда катание на самодельной доске или обыкновенный бутерброд с черным хлебом на перемене, со вкусом поедаемый одноклассником, кажутся ребенку не менее привлекательными в детских глазах, чем эксклюзивная пища.

— Папа, ну что мы, не можем в Турцию съездить? Все ребята ездили, там круто, говорят, а мы — все на Канары да Сейшелы, — упрекает обеспеченного отца сын, попавший на обучение в обыкновенную школу...

В обычной районной школе расслоение идет не только между отдельными детьми, но даже между классами, поскольку обычной практикой теперь стало деление детей по способностям. На самом деле это деление происходит все-таки по иному принципу. Состоятельный папаша юного бездельника, так и не выучившего к шестому классу таблицу умножения, вполне может обеспечить его обучение в каком-нибудь лицейском классе с математическим уклоном. Как правило, в отобранных — специализированных, лицейских или гимназических — классах массовых школ собираются дети наиболее успешных в социальном плане родителей. Свой последний звонок такие отмечают в каком-нибудь скромном ресторане с хорошей репутацией, а их сверстники из класса "Д" выпьют по бутылке "колокольчика" в родном классе. На письменном экзамене во время завтрака одним принесут пакеты из ближайшего "Макдоналдса", а другим — бутерброды с колбасой и чай. Кому-то родители с радостью оплатят поездку в Финляндию на зимние каникулы, а кто-то отказывается и от экскурсии в ближайший музей — метро и входной билет тоже денег стоят. Ежедневно в школе возникает ситуация, которая заставляет ребенка или подростка вспомнить о кошельке своих "предков". Это "воспоминание" превращается для одних в причину возвышения и самоутверждения, а для других — в ощущение собственной неполноценности и ничтожности.

Никто не отрицает сегодня необходимость карманных денег для детей. Умение разумно распорядиться выданной суммой, чувствовать себя "кредитоспособным" чрезвычайно важно даже для младшего школьника. Но размер этой суммы тоже зависит от толщины родительского кошелька.

"У нас один мальчик богатый, — рассказывает второклассница Оля, — всем девочкам все время просто так разные ручки дарит. У меня уже есть пять штук, а Олеске он целых девять подарил с начала года, и все очень дорогие. Ему денег много родители дают", — объясняет она поведение одноклассника.

Среди учащихся младших классов "богатенькие Буратино" пользуются большим уважением. Оки могут угостить друга чем-нибудь вкусным, недоступным или запрещенным для него, сделать дорогой подарок "просто так", купить себе игрушку. Те, кто победнее, не стесняются и попрошайничать у богатого соседа, стараются завоевать его расположение, дружбу. Карманные деньги для учеников постарше — это возможность на том или ином уровне проводить свой досуг.

Будучи круглой отличницей и умницей, Ира училась в лицейском классе. Она всегда старалась держаться вместе с одноклассниками, хотя чувствовала, что ее немодные джемперы и поношенные ботинки никак не сочетаются с кожаными сапожками и новенькими дубленками подружек. После уроков ее часто приглашали посидеть в кафе, зайти в компьютерный клуб, но, чтобы отказаться, у Иры был замечательный предлог — с собакой надо погулять, ведь мама-медсестра опять на ночном дежурстве.

Наличие приличной суммы в кармане не только позволяет жить жизнью киногероев из модных сериалов, оно определяет отношение к тебе ровесников. Это становится одной из причин мелких краж, которые совершают подростки. Крадут у родителей, учителей, в школьной раздевалке. Постоянная и вечная проблема массовой школы — исчезновение личных или казенных денег. Ее причина — социальное неравенство.

К сожалению, и отношение учителей к школьникам зачастую зависит от социального статуса родителей, занимаемой ими должности, профессии и иногда от тех "даров", которые преподносятся в качестве подарков. К сыну мэра маленького подмосковного

городка, обучающемуся в лучшей школе и у лучшего педагога, отношение всегда будет более снисходительным, чем к какому-нибудь "Ваньке Жукову".

Представители среднего класса, впервые устраивающие деток в школу, с удивлением рассказывают, как директора в лоб спрашивают, чем родители могут "помочь" школе. "Если поменяете трубы в подвале, ваша дочь легко окажется в лицейском классе", — сказали одному. Знакомый работник телевидения снял рекламный фильм о школе, в которую хотел определить сына, — это было условием приема. Родители легко и быстро включаются в игру. Но суть этой игры очень быстро становится ясной и детям. Липовые пятерки и четверки, игнорируемые администрацией проступки и шалости, даже более ласковая интонация учителя — ничто не остается незамеченным. Во что это выливается? Сначала в упреки родителям — простым инженерам, потом в лютую ненависть к "везунчикам", или в чудовищный комплекс неполноценности, или в изобретательную ложь о папе — крутом бизнесмене. При любом раскладе такая ситуация повышает порог тревожности ребенка, а тем более подростка и уж никак не способствует процессу обучения.

Да и зачем учиться, если пятерки все равно получает не тот, кто знает, а тот, кто имеет подходящих родителей, способных расплатиться если не подарком, то услугой. Очень часто такое рассуждение становится оправданием для лентяев, иногда такую позицию принимают и некоторые родители, пытающиеся объяснить неуспеваемость нерадивого или неспособного дитяти. Как это ни печально, но расцвету подобных товарно-денежных отношений в обычной школе прежде всего способствует ее бедственное материальное положение, а это уже проблема иная...

Жизнь в розовом цвете

Менее очевидно социальное расслоение в благополучных частных школах. Оно и понятно. Так или иначе, проблема нищеты и бедности тут снята. Ученики таких школ — дети весьма состоятельных родителей, уровень их жизни одинаково высок. Форменная одежда (если она введена) и вообще одежда, карманные деньги, общий досуг — эти проблемы тут не стоят. Нет здесь и распределения детей в соответствии с профессией родителей, потому что толщина кошелька у специалиста по компьютерной технике и популярного актера примерно одинакова. Конечно, и в этих классах возникают разговоры о том, "кто мой отец", но эти разговоры никогда не бывают так остры, поскольку ступенька лестницы одна и та же или соседняя. Если один ребенок ездил летом в Рим, а другой в Париж, то им всегда можно обменяться впечатлениями. В частной школе коллектив учителей кровно заинтересован в каждом ученике, поэтому даже самый неспособный из них редко услышит неласковое слово. Возможно, это сказывается на качестве образования, но зато уж точно создает комфортную и спокойную обстановку, атмосферу уважения и равноправия. Обстановка внутри классов здесь тоже ровная и доброжелательная. Дети объединены социально, материально, у них общий досуг и близкие интересы. Им всем хорошо. Какие тут конфликты? В таких условиях, однако, формируются личности, не совсем правильно представляющие себе, как складываются в реальной жизни отношения между людьми.

Проведенное исследование в частных и муниципальных школах показало, что выпускники первых имеют всегда либо сильно завышенную, либо заниженную самооценку. В то же время ученики обычных школ либо оценивают себя по большей части адекватно, либо чуть завышено — а это признак веры в свои силы и возможности. Интересно, что в оценке друг друга "элитные" школьники более практичны, они, например, могут считать главным в друге то, что он "хорошо играет в футбол", "умеет плести фенечки". Их сверстники из муниципальных учебных заведений более абстрактны:

они ценят доброту, отзывчивость, способность выручить, поддержать в трудную минуту. Их требования к людям более гуманны. Поэтому даже отвергнутый по той или иной причине ребенок готов принять в классе всех, в том числе своих мучителей. По-иному воспринимают ситуацию отверженности в классе частной школы. Среди таких здесь могут оказаться, например, дети самих учителей. Они учатся бесплатно или на договорных условиях. Если ребенок и его родители ставят задачу "вписаться" в коллектив, то есть только один путь — стремиться поддерживать общий высокий материальный уровень. Тут уж родителям придется поднапрячься, чтобы их ребенок и одет, и обут был не хуже других, и имел достаточно на карманные расходы, и летний отдых придется ему обеспечить соответственно. Или — искать другое учебное заведение, где сын или дочка не будет чувствовать себя белой вороной. Благополучие частной школы покоится именно на равенстве достаточно высокого уровня, достичь которого может пока далеко не каждый.

Не кочегары мы, не плотники...

В спецшколах проблема социального расслоения стоит по-особому. Так, в физико-математических школах оказываются действительно одаренные и талантливые дети из самых разных слоев общества, но их объединяет интерес к науке, натуральная жажда знаний, открытий. Они имеют общий круг ценностей, в котором материальное благополучие занимает далеко не первое место. Оценка личности дается исключительно в зависимости от ее степени образованности и увлеченности, от способностей, причем (и это важно!) так оценивают школьников и сверстники, и преподаватели. Примерно то же наблюдается и в редких у нас пока авторских школах. Иное дело языковые спецшколы. Они всегда считались очень престижными, поэтому попасть в такую школу мечтают даже те родители, чьи дети объективно не способны к изучению языков. В нашем центре нередко оказываются малолетние бедолаги, вынужденные зубрить английский с французским, в то время как и русские падежи и спряжения даются им с огромным трудом в силу нейропсихологических причин. Однако родители в погоне за престижем и модой не принимают во внимание ничего. В классе языковой школы за одной партой могут оказаться и дочка крупного бизнесмена, и сын дворника из соседнего дома. Эти школы считаются бесплатными, но знания они действительно дают глубокие и прочные. Отношения между богатыми и бедными в таком классе превращаются в открытую или скрытую от глаз взрослых войну. Игнорирование "нищих", грубое превосходство материальных ценностей над духовными, социальная жестокость приобретают здесь острые формы.

Сапоги из "Парижской коммуны" могут стать причиной длительной и изощренной обструкции, отсутствие плеера — поводом для бойкота. Ученики живут в вечной борьбе самоутверждений. Завоевать уважение к себе можно либо за счет кошелька, либо за счет ума. А если недостаточно ни того, ни другого? Ребенок превращается в настоящего изгоя, в мальчика для битья или девочку для насмешек. К тому же ясно, что второй путь тоже более достижим для детей из обеспеченных семей: можно нанять репетитора, брать дополнительные уроки, организовать языковую практику в стране изучаемого языка. Естественно, далеко не все могут позволить себе такое. Несмотря на внешнее благополучие, большую и интересную внеклассную работу, использование новейших методик и учебников, наличие высококлассных специалистов, обучение в такой школе превращается в нравственное и психологическое испытание для ребенка, а иногда и в борьбу за выживание.

Что же можно предпринять, чтобы пропасть между "бедными Лизами" и "богатенькими Буратино" не превратилась в глубокую, непреодолимую расщелину?

Родители не должны прятать от детей социальные проблемы, объясняя при этом, что истинная ценность человека измеряется все же не его кошельком. Дети не должны быть витриной нашей респектабельности.

Карманные деньги необходимы школьнику любого возраста, но сумма должна быть разумной. И обеспеченный ребенок должен понимать, что деньги зарабатываются, а не растут на деревьях. Мудрые родители иногда заранее обговаривают на собраниях, сколько денег будут иметь в карманах их детки ежедневно. Это снимает много проблем, особенно в начальной школе.

Родителям нужно хорошо подумать, как одеть ребенка-школьника. Дело здесь не в деньгах, а во вкусе. Декольтированные майки от "Hugo Boss" так же неуместны в школьном коридоре, как и спортивные штаны с вытянутыми коленками. Любому ребенку полезно знать и привыкнуть к тому, что определенная обстановка требует и определенной экипировки. Скромный и удобный "студенческий стиль", в принципе, каждому по карману.

Если бы все учителя относились к своим воспитанникам, как к клиентам частных школ, избегали обидных прозвищ и пренебрежительных взглядов, атмосфера, несомненно, освежилась бы, несмотря на присутствующие материальные проблемы.

Увидеть в ученике личность, оценить его реальные знания, похвалить лишний раз — это и есть признак профессионализма. Трудно, конечно, отказаться от коробки конфет или флакона дорогих духов, но если этим подарком покупается объективность, может, не стоит рисковать?

Всегда можно сказать своему чаду: "Тебе не нравится быть бедным? Учись! Получи хорошую профессию! Добейся в жизни большего, чем я!" Или: "Ты кичишься нашим богатством? Но ведь сам ты — только наследник чужого добра. Учись! Докажи себе и другим, что ты в состоянии преумножить состояние семьи!"

*Александра Соболева,
Елена Емельянова
Из книги "Школьные перегрузки"*

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ШКОЛЕ

Дискриминация, сегрегация, ненависть и расизм в отношении школьников, основанные на их социально-экономическом происхождении, называются в мультикультурном образовании классизмом. Классизм имеет разные формы проявления и сложную связь с такими аспектами культуры, как религия, образование, пол, язык, этничность. Классовые различия порой оттесняют на второй план другие различия и называются некоторыми, например, марксистами единственной причиной неравенства и несправедливости в обществе, в том числе и в области образования.

Ключевое понятие в многокультурном образовании при рассмотрении вопроса взаимодействия представителей различных социальных классов в условиях школы и классной комнаты — равенство. Оно рассматривается с позиции создания для учащихся равных образовательных возможностей на любой ступени образования, в любом типе учебного заведения. Это способствует реализации природных возможностей, индивидуального или социального капитала ученика, в конечном счете создает условия для честного и равного соревнования на рынке труда после окончания учебного заведения. Вопрос для мультикультурного педагога состоит в том, как и в какой степени школа, школьная администрация, учителя, учебники, внеклассная и внешкольная работа

могут способствовать сокращению разрыва между богатыми и бедными, между различными экономическими группами. Речь не ведется о перераспределении имеющегося богатства, как это было в 1917 году, а о предоставлении каждому) ученику возможностей для достижения экономического, профессионального и личного успеха. Ликвидация классовых конфликтов, классовых противоречий путем революционного уничтожения одного из классов, как показал социалистический опыт, не приводит к полной гармонии отношений между оставшимися социальными группами.

Объявив войну дворцам, большевики не принесли мир и равенство в хижину. Конечно, между рабочим классом, классом крестьян и прослойкой интеллигенции не было антагонистических экономических противоречий, так как никто не имел права собственности на землю, на орудия и средства производства и делить, по сути дела, было нечего. Но существовавшая система восполняла этот «недостаток» через систему здравоохранительных, образовательных, пищевых и других привилегий для руководящей и доминирующей партийно-государственной, профсоюзной, комсомольской прослойки (спецмашины, дачи, спецмагазины, спецполиклиники, доступ к высшему образованию, спецшколы, спецзаслуженности и т.п.). «Слуги» народа, как известно, жили лучше самого народа, хотя богатыми они себя не называли. Конечно, богатыми, как Рябушинские или Ротшильды, они не были, но их привилегии вызывали недовольство народа и поддерживали огонь в вяло текущем, подспудном конфликте. Богатыми были не только представители правящей номенклатуры, но и заведующий товарным складом, и директор ювелирного магазина, и официант в спецресторане или нянечка в детском саду для детей советской элиты. Неравенство в обществе находило отражение и в школе, влияло на учителей. К детям тех, кто имел власть и доступ к материальным богатствам, отношение учителей было особым: перед ними заискивали, завывали оценки. Многие учителя просто боялись поставить плохую оценку дитяти «сильного мира сего», и это можно если не простить, то понять. Неравенство сохранялось и в вузах. Кому были неизвестны «позвоночные» дети, которых принимали в вуз по звонку влиятельного родителя, родственника или друга семьи. Тогда все это не называлось дискриминацией, так как официальная идеология и пропаганда утверждали, что экономическая дискриминация и неравенство существуют только на капиталистическом Западе. Однако все замечали, что к дочери райкомовского секретаря отношение иное, чем к дочери разнорабочего. Публично же заявить об этом никто не отваживался, опасаясь гонений и расправы. Никто также не осмеливался провести научное исследование проблем дискриминации и неравенства в школе, основанных на экономических и партийно-политических различиях.

Неравномерность экономического развития регионов вызывало противоречия между городским и сельским населением, центром и провинцией. Конечно, эти противоречия не вели к организованным классовым боям, да и пропаганда постоянно напоминала, что вот-вот эти противоречия канут в лету. Более высокий экономический уровень столичных (районных, областных, краевых, окружных, республиканских, всесоюзных) городов способствовал развитию высокомерного взгляда их жителей на людей, живущих в селах и деревнях, которым приходилось слышать не очень приятные слова в свой адрес: «колхоз», «сельский лапот», «мешочники понаехали», «деревня», «сельпо». Вряд ли это можно объяснить отсталостью, несознательностью и бескультурьем «отдельных элементов».

К сожалению, «развитому» социализму не удалось ликвидировать основные различия между городом и селом так, как удалось это сделать капиталистическому Западу, где у сельского жителя есть все те же блага цивилизации, что и у городского, хотя, конечно, и там культурные различия дают о себе знать.

Социально-экономические противоречия отражались и в образовании, зачастую вели к деформации нравственного сознания учителей и школьников, отношений между ними и между самими учениками. Дочка автора училась в одной из привилегированных школ Москвы, но сам автор не относился к советской элите, о чем знали в школе, и его дочка

была изгоем. С болью он слышал рассказ о том, как ее одноклассница, восьмилетняя внучка одного партийного босса, решив проявить сочувствие к дочери, посоветовала ей принести учительнице флакон дорогих французских духов, чтобы «Татьяна Ивановна относилась к тебе хорошо». Учителя, как видно, быстро вычисляли социально-экономический статус детей, что сказывалось порой на их отношении к ученикам: одни заискивали, другие рассчитывали на подачку к празднику, третьи боялись. Как культурная группа, учителя в спецшколах (не во всех, а там, где училась элита) имели характеристики, отличные от тех, которые имели учителя обычных школ: у них наблюдались более высокая самооценка, чувство превосходства над остальными учителями, ощущение себя частью элиты.

Многокультурное образование не ставит своей целью экономическое преобразование общества в отличие от марксистской педагогики. Оно видит свою задачу в создании равных возможностей для всех детей, в помощи учителю осознать себя человеком, иногда единственным, который может помочь ученику реализовать свои потенциальные возможности и таланты; освободиться от самоугнетения; смягчить то экономическое неравенство, которое существует в российском обществе.

Не все сторонники многокультурного образования отвергают марксистскую теорию классовой борьбы, однако большинство из них видит путь к созданию демократического государства, основанного на принципах равенства, в эволюционном развитии человечества, а не революционном. Как показывает эволюционный путь развития западноевропейских стран, создание нормальных условий для человеческого бытия возможно и при неравном отношении классов и индивидов к орудиям производства через систему налогов, социальных программ поддержки малоимущих слоев населения, бесплатного образования и медицинского обслуживания.

В советском, да и в современном российском обществе существовали и существуют две точки зрения на взаимодействие классовой структуры общества и индивида. Представители первой точки зрения исходят из объективного, в их понимании, существования разных социально-экономических классов, слоев или групп и утверждают, что любой индивид может продвинуться вверх по социально-экономической лестнице, если того захочет и приложит к тому усилия. Учителя, разделяющие эту точку зрения, склонны обвинять родителей в том, что они не выполняют свой родительский долг и не занимаются со своими детьми, а их детей — в лени, нежелании учиться, читать книги, в плохой наследственности.

Сторонники второй точки зрения, как правило марксисты, утверждают, что плохие результаты в учебе порождает неравенство экономических отношений между классами и виновно в этом общество. Для некоторых учителей, входящих в эту группу, характерны ненависть с богатым («награбили, ворюги») и зависть. Эти чувства, как известно, не способствуют формированию положительных отношений между людьми. Сегодня, когда некоторые школьники одеваются лучше учителей, мож-но услышать завистливое: «Такая-то уже пятую шубу меняет за зиму». Завистливый учитель более склонен дискриминировать тех детей, которые имеют высокий материальный статус, хотя последний не должен влиять на его взаимоотношения с детьми. Другое дело, если одежда приводит к деформации отношений в школе, нарушает ее нормальный ритм работы, тогда, наверное, наряду с другими воспитательными мерами школа может ставить вопрос о введении формы, но характерной только для нее, а не единой для всей страны. Вводят же в США — во многом по этой экономической причине — школьную форму.

Школа призвана сближать детей из разных социальных классов для формирования нравственных ценностей, характерных для российского общества: сострадание к неимущим, желание оказать помощь обездоленным, озабоченность неравным положением людей в обществе. Эта задача очень сложная и, как показывает опыт, в странах, где поляризация классов по экономическим параметрам велика (например, в США), школы" не всегда оказываются на высоте в ее решении. По данным исследований американских

ученых (С. Боуле-са, Г. Джинтиса, Г. Жиру, П. Маклэрена, М. Эппла), школы США воспроизводят социальную стратификацию общества через замалчивание в учебниках культуры рабочего класса, через сохранение в школе неравных потоков — академического, профессионального и общего, через низкие ожидания учителей учебных успехов от детей из бедных семей, через игнорирование их проблем, забот и т.д. Мультикультурное образование выступает за то, чтобы принципы равенства и справедливости находили отражение в содержании школьных учебников, планах школы, в методах и стратегиях обучения. Если учебники не отмечают проблемы, с которыми сталкиваются семьи с низким доходом, если они не упоминают о социально-экономическом неравенстве, существующем в обществе, тогда они, по сути дела, способствуют утверждению дискриминации по отношению к бедным слоям общества. Анализ российских школьных учебников, о которых шла речь в третьей главе, с целью выявления в них классизма свидетельствует о том, что в них, к сожалению, не представили весь спектр экономического многообразия России (например, не говорится о безработных, нищих и бездомных).

Исследование американского ученого Р. Риста (1979), ставшее классикой, показало, что учителя первых классов уже к восьмому дню пребывания учеников в школе неофициально, на уровне собственных вкусов и предпочтений распределяют их по группам. Причем состав этих групп практически не меняется на протяжении трех последующих лет обучения. Проанализировав процесс группирования, он обнаружил, что учителя строят приблизительный «идеальный тип» ученика, основные характеристики которого определяет социально-экономическое происхождение самого учителя. Эта воображаемая ментальная картина строится на документах, первых встречах с родителями, а затем и на основании одежды и обуви ребенка, духов, марки калькулятора и прочих вещей. Она же оказывает большое влияние на то, как будет относиться учитель к ученику.

Ученик из семьи с высоким или средним достатком, отмечает Р. Рист, как правило, лучше подготовлен к школе: он путешествовал, следовательно, много видел; он знает, что такое компьютер, и даже умеет работать на нем. О таком ученике учителя говорят: «Он быстро схватывает». «Быстросхватывающие» дети обычно получают больше внимания и поощрений от учителя. Подобное отношение наблюдается и во втором классе, так что в третьем у «этой» группы учеников наблюдается прочно сложившаяся уверенность в себе, чувство превосходства перед «медленно» учащимися детьми, как правило, выходцами из бедных семей. Более того, исследования К. Перселл (1993) показали, что даже при одинаковых результатах тестирования школьников учителя ожидают меньше успехов от учеников из бедных слоев, чем от учеников из семей с высоким и средним социально-экономическим статусами. Двухгодичное изучение отношений учителей к учащимся в средней школе, в которой основной контингент составляют дети рабочего класса, проведенное Е. Эверхарт (1983), выявило, что учителя недооценивают их интеллектуальные способности, а, по словам одного из учеников, с ними «обращаются, как с третьеклассниками, так как дают заучивать в основном простые и скучные факты и примеры». Таким образом, все упомянутые авторы приходят к выводу, что некоторые учителя являются проводниками классизма.

Порой дети из бедных семей с полным основанием квалифицируются как «молодые люди на грани риска», так как они бывают лишены равных образовательных возможностей в классной комнате и рискуют тем самым получить неполноценные знания и оказаться за бортом образовательной системы и экономического благополучия.

В российском обществе границы между новыми классами еще не установились, а формирование их культуры находится в начальном периоде. В силу переходного характера экономики от плановой и государственной к рыночной и частной еще не определился социально-экономический статус многих профессий. Например, по экономической статусу семья тюменского нефтяника может быть отнесена к высшему

классу, но по многим культурным параметрам — к рабочему классу. Для многокультурного учителя важно разобраться в процессах социальной стратификации российского общества, чтобы более точно определить культуру детей из семей разных экономических групп.

КУЛЬТУРА БЕДНОЙ СЕМЬИ

Было бы неправильно характеризовать все бедные семьи одними и теми же словами: спектр бедности столь же неоднороден, как и спектр богатства. Среди них есть временные безработные, хронические безработные, а также работающие семьи с низким, средним и высоким для этой категории уровнем дохода. Эти семьи разнятся также уровнем образования и воспитания, сложившимися родо-половыми ролями, жизненными ожиданиями и другими культурными параметрами. Бедная, но крепкая семья создает благоприятные предпосылки для успешной учебы и адекватного поведения в школе. Поэтому если в школе стабильная, безопасная для такого ребенка культурная среда, то он чувствует себя уверенно. Во многих бедных семьях присутствуют те же цели, моральные принципы, ценностные ориентации, что и в других социально-экономических слоях.

«Люмпен пролетариат» — самая бедная часть этого слоя общества. В подавляющем большинстве это неполные семьи, с одним родителем (чаще — матерью). В этих семьях наблюдается слабый или нулевой контроль за детьми; сильное влияние на детей оказывают асоциальные группировки, порой криминогенного типа. У родителей низкий уровень образования; они не читают, не выписывают газет и журналов, не стимулируют своих детей к учебе и познанию. Дети из таких семей часто вымещают свою злость на учителях, хорошо одетых детях, на отличниках, не понимая, конечно, что те не несут ответственности за их экономическое положение. Некоторые исследователи отмечают, что хроническая бедность порождает неверие в правительство, в государственную систему, а так как школа является частью этой системы, то у детей этого класса появляется враждебность к ней, апатия к учебе. Некоторые дети теряют уверенность в своих силах, возможностях, способностях и поэтому очень нуждаются в большой и постоянной поддержке со стороны учителя. Если в семье дети сталкиваются с грубостью и жестокостью, то такая культура становится для них «своей», привычной и они могут не понимать, почему она не приветствуется в школе («Ведь за это дома никто не ругает, не наказывает»). Таким детям необходимо терпеливое разъяснение правил поведения в обществе и последствий, к которым приводит нарушение этих правил. Их нужно вовлекать в коллективную учебную и внеучебную деятельность, как это делал А.С. Макаренко, развивать у них уверенность в своих способностях, в том, что они нужны учителю и школе, другим детям и обществу.

Поощрения и наказания в школе могут отличаться от семейных, и если это действительно так, то у такого ребенка в случаях несовпадения домашних и школьных приемов наказания может наблюдаться непонимание, замешательство. В семьях с низким социально-экономическим статусом и с низким образованием родителей чаще проявляется авторитарное отношение к детям. Здесь же чаще прибегают к физическому наказанию, чем в семьях со средним и высоким социально-экономическим статусом и высоким уровнем образования.

Американский исследователь М. Кон, изучая взаимосвязь культуры семьи с ее социально-экономическим статусом, пришел к выводу, что последнее оказывает наибольшее влияние на первое (см. в кн. Spring Joel, 1996). Другими словами, экономический статус семьи детерминирует ее культурные ценности. Например, наибольшее влияние оказывает вид работы главы семьи. Так, если глава семьи работает на таком месте, где ему (ей) отдают приказания, то и в семье он (она) будет общаться с детьми с помощью команд и распоряжений, проявлять авторитарность. И, наоборот, если глава семьи имеет на своей работе свободу принимать самостоятельно решения, то и

детям он (она) будет предоставлять больше свободы действий и прав. В первом случае от детей требуется умение подчиняться правилам, во втором — умение действовать самостоятельно.

Экономисты С. Боулес и Г. Джинтис (1976) выдвинули теорию социальной репродукции, согласно которой школа является средством воспроизводства существующих экономических и социальных различий и неравенства. Если в школе большинство детей из семей с низким статусом, то у учителей и администрации доминирует авторитарный подход к детям. Иногда это происходит по воле и вине родителей, которые говорят учителю: «Вы с моим — поостороже. Мы сами его не балуем и не распускаем» (слова, знакомые и российским учителям). Внимая «наказам» родителей, учителя лишают ребенка самостоятельности, часто командуют им, повышают на него свой голос, расценивают его как пассивного потребителя знаний. В результате авторитарные школы, как показывают Боулес и Джинтис, обуславливают выбор учащимися именно тех видов профессий, где не нужно принимать решений, самостоятельно мыслить, проявлять инициативу и творчество. Поскольку оплата такой деятельности низкая, то школы, таким образом, воспроизводят экономическое и социальное неравенство в обществе.

Однако многие семьи, несмотря на бедность, воспринимают школу как средство, способное обеспечить их детям хорошее будущее. Изучение культуры бедных семей помогает учителю понять их проблемы, ценностные ориентации и подобрать подходящие методы обучения и воспитания. Учителю необходимо уметь противостоять таким стереотипам, как: бедные потому бедные, что не хотят работать, они — алкоголики, преступники. Возможны культурные конфликты между учителем и ребенком из бедной семьи, ибо у учителей иная культура. В этом случае учителю не следует спешить с обвинением и осуждением, лучше проявить толерантность к «странностям» (имеются в виду, конечно, те, которые не угрожают здоровью других детей и не нарушают учебный процесс) и научить правилам поведения. Необходимость поддержки обуславливается тем, что у этих учеников наблюдается низкий уровень самооценки, неумение самостоятельно выбрать положительный способ действия в конфликтной ситуации; у них бывает ограниченный набор методов разрешения проблем, в результате чего они прибегают к привычному для них насильственному методу.

На ступени с самым низким социально-экономическим статусом стоят люди «маргинальной природы». В этих семьях нестабильная финансовая ситуация, так как родители имеют низкооплачиваемую работу. Дети из таких семей плохо одеты; у них менее выразительная речь, обедненный словарный запас, они не умеют работать на компьютере; мало читают. В школе у них часто возникают проблемы с учебной работой и поведением, иногда бывает подавленность либо озлобленность. С ними необходимо вести диалог, который помогает учителю понять культуру этого ученика, а ученику — культуру школы.

Иногда учитель проявляет излишнюю жалость к нему — не спрашивает на уроке, желая оградить от неловкости перед одноклассниками. Этим учитель оказывает ему медвежью услугу, так как ребенок привыкает молчать, что может осложнить его дальнейшую жизнь.

КУЛЬТУРА СЕМЬИ СО СРЕДНИМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

В этом слое тоже наблюдается разброс характеристик: верхняя часть тяготеет к населению с высоким социально-экономическим статусом, а нижняя часть — к бедным семьям. В основном семьи этого слоя имеют доход, позволяющий им уверенно смотреть на жизнь. В такой семье преобладают следующие ценностные ориентации: высокий статус знаний, серьезный взгляд на образование, уважение авторитетов. Родители уделяют большое внимание своим детям, проводят с ними много времени, в доме есть книги, газеты, журналы, даже компьютеры. С детьми больше разговаривают матери, помогают

им в познании, поощряют их самостоятельность. Среди них много таких, кто зарабатывает деньги нелегким трудом. Родители воспитывают навыки прилежной работы, знакомят детей со своей работой, мотивируют их хорошо учиться и вести себя в школе, уважать учителей, поэтому дети имеют культуру, близкую к той, которая существует в школе, что дает им возможность легко приспособиться к правилам поведения и учебным требованиям. Они во многом похожи на детей самих учителей, поэтому учителя положительно реагируют на них. Особенно в начальных классах, где учителя-женщины оказывают больше поддержки девочкам.

КУЛЬТУРА СЕМЬИ С ВЫСОКИМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

Количество семей с подобным статусом невелико в любом обществе. В российском обществе к ним принадлежат в основном те, кого сегодня называют «новыми русскими», «новыми татарами», «новыми евреями» и т.д. Родители имеют постоянный финансовый доход. В России, в отличие от стран с установившимся рынком и правовой системой, многие испытывают страх за свою жизнь и жизнь своих детей. Дети учатся, как правило, в престижных школах, иногда в других странах. Они имеют компьютеры, машины, ездят за границу. Есть среди них и такие, которые считают, что деньги решают все; они не уважают учителей, видя их недорогую одежду и обувь. Некоторые ценят учителей («сами были недавно такими»).

Как показывают многочисленные исследования, на их успехи в школьной учебе большое влияние оказывают родители: если они поддерживают их, нанимают репетиторов, читают им книги, ходят с ними в библиотеку, интересуются их успеваемостью, то это оказывается более сильным фактором влияния, нежели доход или положение.

В условиях смены форм собственности в России наблюдается снижение уровня жизни некоторых слоев населения, резкий контраст между богатыми и бедными, к чему не может оставаться безразличным многокультурное образование. Его ответ на это состоит в развитии у школьников понимания справедливости, социальной защищенности, солидарности с детьми из бедных семей. Многокультурный учитель будет вовлекать учащихся в благотворительную деятельность. Ролевые игры могут помочь школьникам из обеспеченных семей осознать чувства и эмоции бездомных, безработных, не получающих по несколько месяцев зарплату. Разработка материалов типа «Как выжить в условиях безработицы» и проведение классных часов на эту тему может подсказать альтернативные пути приспособления (особенно психологического) к изменившимся экономическим условиям.

Вопросы для обсуждения

- В чем заключаются особенности работы учителя с детьми из бедных семей?
- Какие многокультурные заключения может сделать учитель с учениками на примере изучения социально-экономического происхождения М.В. Ломоносова и А.М. Горького?
- Существует ли взаимосвязь между плохой успеваемостью ученика и его социально-экономическим происхождением? Обоснуйте свою точку зрения.
- Существует ли взаимосвязь между социально-экономическим положением учителя и социально-экономическим положением учеников? Обоснуйте свою точку зрения. Если «да», то в чем эта связь проявляется в школе, на уроке?
- Может ли школа быть инструментом «выравнивания» (исправления) экономического неравенства, существующего в обществе? Аргументируйте свою точку зрения.
- Замечают ли школьники, когда учителя относятся к ним плохо (другими словами:

дискриминируют) из-за их бедного происхождения? Если «да», то как они это определяют?

■ Среди специалистов и неспециалистов в области обучения и воспитания не прекращаются дискуссии о том, что является определяющим в интеллектуальном развитии детей: социальная среда или наследственность. На чем основывается ваша точка зрения по этому вопросу? ■ В чем заключается опасность стереотипирования ученика учителем на основании его принадлежности к какой-нибудь одной социально-экономической группе?

СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ

■ Финансово-экономическое положение родителей ученика не должно влиять на отношение учителя к нему;

■ не следует винить родителей в неуспеваемости или неадекватном поведении ученика, так как они могут быть вызваны другими причинами (обществом, телевидением, игнорированием учителем учебного стиля ученика, сексизмом и т.п.);

■ каждому ученику следует создавать равные возможности на уроке для успешного учения;

■ понимание культуры ребенка из бедной семьи помогает учителю выбрать адекватные подходы и методы обучения и воспитания;

■ учителю не следует терять уверенность в детях из семей с низким социально-экономическим статусом и снижать уровень своих ожиданий хорошей учебы и хорошего поведения от них;

■ честно анализировать свои стереотипы о детях из бедных семей и предрасположения против них, а также причины и виды их проявления;

■ создавать в классной комнате климат, в котором ученики будут чувствовать, что их одежда, обувь, аксессуары не имеют никакого значения для вас и не влияют на ваше отношение к ним;

■ воспитывать сострадание к бедным, желание помочь неимущим и заниматься благотворительностью.

Виды учебной деятельности

✓ Составьте перечень социально-экономических статусов (низкий, средненизкий, средний, средневысокий, высокий), попросите учеников поставить галочку против того статуса, который, по их мнению, ближе подходит к ним. Представьте результаты визуально на доске. Обсудите с ними, о чем могут говорить преподавателю данные о социально-экономическом статусе семьи учащихся и как он может использовать эти данные в своей работе;

✓ опциите культуру ученика из низкого социально-экономического слоя. Обсудите, что может вызвать огорчение, расстройство или беспокойство у такого ученика в школе;

✓ сравните культурные различия детей из семей с низким и высоким доходами. Обсудите, как эти различия могут повлиять на восприятие и отношение к ним учителя;

✓ приведите возможные примеры дискриминационного отношения учителя к ученикам из различных экономических групп. Раскройте, в чем проявляются сходства и различия и каким образом можно преодолеть дискриминацию;

✓ если вы были жертвой дискриминации со стороны учителя в школе на основании социально-экономического признака («не та одежда», «не та обувь» и т.п.), вспомните

свои мысли, чувства и эмоции, которые вы испытывали при этом. Хотя это бывает и неудобно иногда, но попытайтесь честно рассказать о них своим однокурсникам;

✓ опросите несколько студентов с целью выяснения, было ли их социально-экономическое происхождение фактором в их образовании (например, выбор школы, вуза, отношение к ним учителей и т.п.). Какие выводы можно сделать на основании этого опроса?